

Игорь Фесуненко

БРАЗИЛИЯ

Футбольный карнавал

Игорь Фесуненко

Бразилия. Футбольный карнавал

«ЭКСМО»

2014

Фесуненко И. С.

Бразилия. Футбольный карнавал / И. С. Фесуненко — «Эксмо»,
2014

ISBN 978-5-699-73510-5

Нет другой игры, которой были бы так преданы люди самых разных стран. Но нет такой страны, в которой люди были бы так преданы футболу, как Бразилия. Футбол для бразильцев – это сама жизнь, наверно, даже немножечко больше, чем жизнь. И нет в России эксперта, который бы разобрался в бразильском футболе лучше Игоря Фесуненко – мэтра отечественной журналистики, беззаветно влюбленного в футбол и в Бразилию. Книга, которую вы держите в руках, – пропуск в неповторимый мир бразильского футбола, яркая панорама его развития от первых робких шагов до ярчайших побед. Ее герои – футболисты и тренеры, скромные массажисты и звезды мирового уровня, футбольные воротилы и спортивные журналисты, арбитры и буйная торсида. Но главным ее героем является, конечно, Его Величество Футбол, служить которому почитал за честь сам великий Король – Пеле.

ISBN 978-5-699-73510-5

© Фесуненко И. С., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

История, которая жива. Вместо введения	5
Глава 1. Торсида	6
Драма на улице Мигель Лемос	6
«Вывихнуть» или «страдать»?	9
«Мы умираем чаще...»	10
«Матч пяти смертей»	11
Это начиналось так...	13
С ножом и пистолетом	15
Веслами по головам	17
Баллон над городами магия футболки	21
Он был готов умереть	23
Первая шаранга	24
«Fiel» означает «преданная»	26
Элиза и Бенедито	29
Не то, что нынешнее племя	30
«Ястребы» и «Мушкетеры» под грохот «батарей»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Игорь Фесуненко

Бразилия. Футбольный карнавал

История, которая жива. Вместо введения

По данным швейцарской фирмы HBS, которая организовала телетрансляции всех матчей 17-го чемпионата мира 2002 года, финальный поединок Бразилии и Германии смотрели 1,5 миллиарда телезрителей. Это – рекорд, не перекрытый ни финалом-2006 в Германии, собравшим «жалких» 715 млн зрителей по всему миру, ни финалом-2010 в ЮАР, аудитория которого едва перебралась за миллиард.

И в тот момент, когда на 67-й минуте Ривалдо пробил в левый от Кана нижний угол, вратарь бросился за мячом, отбил его, а набежавший Роналдо открыл счет, все эти полтора миллиарда пришли в движение. Кто-то кричал и плакал от восторга, кто-то рыдал и рвал на себе волосы от горя. Равнодушных и спокойных не было. Планета смотрела величайший матч в истории мировых турниров. Население земли превратилось в армию болельщиков. Или, как сейчас говорят, в торсиду.

Футбол – это не только двадцать два парня, которые гоняют по полю мяч. Это еще и тренеры, и врачи, и клубные чиновники, и судьи, и журналисты. Это – спонсоры, подбрасывающие деньги клубам. Несколько десятков тысяч болельщиков, страдающих на трибунах стадионов, и миллионы – затаивших дыхание перед экранами телевизоров. Страсть к футболу уже охватила всю планету, и каждый год умножается и растет на всех континентах армия болельщиков. Каждый из них – приверженец своей команды, российской или японской, французской или камерунской, мексиканской или австралийской. Но при всей несхожести взглядов и предпочтений вряд ли кто осмелится оспорить очевидную истину: единоличным лидером мирового футбола является Бразилия. Потому что она – чемпион мира, потому что бразильцы играют в самый красивый и эффективный футбол, потому что Бразилия – единственная страна, участвовавшая во всех семнадцати мировых чемпионатах и победившая в пяти из них. Таких показателей нет и, возможно, никогда не будет ни у одной другой страны мира. Книжка, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, познакомит вас с ярким неповторимым миром бразильского футбола. Со всеми его компонентами, которые только что были перечислены. И рассказ этот мы начнем с главы, посвященной знаменитой бразильской торсиде.

Глава 1. Торсида

Драма на улице Мигель Лемос

Я видел это собственными глазами: стоявший совсем рядом со мной смуглый худой парнишка с глубокими следами оспы на лице дважды нервно хватал меня за локоть, потом отпустил со стоном отчаяния, и вдруг громко вскрикнул, тяжело задышал, словно финиширующий после марафона бегун, рванул майку, распарывая ее от подбородка до пояса, и бросился под несшийся по узкой улице желто-синий автобус линии «Урка – Леблон».

...Прежде чем рассказать, что было дальше, попробую описать место и причины этой драмы.

В тот день, 19 июля 1966 года, вся Бразилия – от самого южного поселка Чуи на границе с Уругваем до затерянного в амазонских джунглях у Французской Гвианы Ояпоке – жила футболом. Впрочем, «жила» – это не совсем точно. Бразилия «живет футболом» постоянно и повседневно. Но в тот прохладный зимний день страна скорее не жила, а умирала от вызванных любимым спортом потрясений. В Великобритании в разгаре был очередной чемпионат мира. И двукратные чемпионы бразильцы, победившие на двух предыдущих чемпионатах подряд, прибыли на землю туманного Альбиона за заветным «ТРИКАМПЕОНАТОМ».

С первого удара по мячу на этом турнире Бразилия замерла в предвкушении торжественного мига. Страна ждала заветного «ТРИ»! И поначалу казалось, что надежды сбываются: первый матч со сборной Болгарии бразильцы выиграли 2:0, голы забили их родные кумиры Пеле и Гарринча.

Но второй поединок был неожиданно проигран 1:3 превосходно игравшей венгерской команде. И теперь дальнейшая судьба «бикампеонов» стала зависеть от исхода третьей битвы – со сборной Португалии. Этот поединок нужно было выиграть во что бы то ни стало. И обязательно с перевесом в три мяча!

В те годы чемпионаты еще не транслировались по телевидению, и потому страна готовилась слушать радиорепортажи из Ливерпуля, где играли «бикампеоны». Впрочем, что значит «приготовилась слушать»?! Бразилию охватило какое-то коллективное помешательство. С утра 19 июля все, абсолютно все бразильцы говорили только о футболе. С первых предрасветных часов предстоящему матчу посвящали свои программы все местные радиостанции. В ожидании трансляций из Ливерпуля, которые должны были начаться после полудня, местные комментаторы анализировали предстоящий матч, взвешивали шансы команд, пытались предугадать составы, сопоставляли силы соперников и сравнивали их возможности. На каждом шагу: на улицах и в автобусах, у газетных киосков, овощных и фруктовых лотков, в ботелинах и барах – за стопкой тростниковой водки – кашасы или кружкой пива, в кондитерских – за чашкой кофе, в прохладных банковских офисах и удушливых лавках бакалейщиков, в супермаркетах и скверах, в грязных забегаловках и сверкавших накрахмаленными скатертями ресторанах, словом, везде можно было видеть одну и ту же картину: люди с прижатыми к уху транзисторными приемниками и полностью отрешенными от всего окружающего лицами. Они вслушивались в скороговорку спортивных аналитиков. Они ждали начала матча. Они жили надеждой на чудо и верой в магическую силу своего «лучшего в мире» футбола.

Бразилец не может говорить о футболе, ждать футбола, смотреть футбол и вообще жить футболом в одиночестве. Ему обязательно нужно сопереживание, ему нужен друг, с которым можно разделить радость и горе, или соперник, с которым можно яростно схлестнуться. Учитывая это, бразильские радиостанции, ведущие трансляции из Англии, организовали на площадях, в парках и скверах Рио, Сан-Паулу и других городов страны специальные площадки:

на тротуаре или газоне сквера, на рыночной площади или в переулке воздвигался помост. На нем вывешивалось такое же, как на стадионах, громадное табло с составами играющих команд и с ячейками, в которых должно было фиксироваться каждое изменение в счете. Рядом с табло крепились мощные динамики, передававшие голоса комментаторов, ведущих репортаж оттуда, из Ливерпуля. Собиравшиеся перед такими помостами толпы соотечественников получали благодатную возможность (ну точно, как на трибуне «Мараканы» или «Пакаэмбу») делить плечом к плечу с соседом радость и горе, страдать и ликовать, рыдать и прыгать от счастья.

Друзья рассказывали мне, что на предыдущем чемпионате мира 1962 года, проводившемся в Чили, некоторые из организаторов таких коллективных футбольных бдений дошли даже до совсем удивительного изыска. На нескольких таких площадках, отведенных для коллективных прослушиваний репортажей, рядом с динамиком укреплялось громадное электрифицированное табло, расчерченное как футбольное поле, и перемещавшийся по нему под звуки радиорепортажа огонек электролампочки пытался показать зрителям точку, где в данное мгновение находился мяч...

На сей раз, в июле шестьдесят шестого года, я таких ухищрений нигде в Рио не обнаружил, но радиофицированных площадей и перекрестков было в этом городе полным-полно. Матч с Португалией, о котором идет речь, я слушал в толпе, собравшейся на углу улицы Мигель Лемос и Копакабаны у подмостков с громкоговорителями и табло, на котором фиксировались составы команд и отмечались изменения в счете.

К тому времени прошло чуть больше месяца после моего приезда в Рио. Я только-только начинал осматриваться, привыкать к какой-то совершенно невероятной жизни в этом удивительном городе, приютившемся под раскинутыми руками бетонного Христа на горе Корковадо на берегу бескрайней Атлантики. Я еще не успел ничего толком понять в этом странном и загадочном мире, так сильно отличающемся от привычного нашего. И не знал еще пока, что небольшая улочка Мигель Лемос, спускающаяся по кварталу Копакабаны от горы Кантагалло к пляжу, издавна (как мне впоследствии объяснил все это мой незабвенный друг Жоан Салда-нья) является излюбленным местом встреч местной торсиды, любимой точкой предматчевых и послематчевых сборищ футбольных фанатов южных кварталов Рио.

И вполне естественно, что именно на пересечении Мигель Лемос с авенидой Наша сеньора Копакабана был установлен один из крупнейших в городе помостов для радиотрансляций из Ливерпуля, где сражалась за «ТРИ» любимая команда бразильцев. Именно здесь, на углу Мигель Лемос и разыгралась на моих глазах трагедия, достойная пера Шекспира. И говорю об этом без тени преувеличения! И без всякого сарказма, потому что никакой сарказм, юмор или улыбка тут совершенно неуместны. Потому что речь действительно идет о трагедии.

...Бразилии, как было сказано, надлежало или умереть, или выиграть у португальцев три мяча. Третьего было не дано. Бразилия безапелляционно и безжалостно проигрывала этот бой.

15-я минута: Симоэс – 0:1! Тяжелый вздох навис над толпой.

Теперь нужно забивать уже не три, а четыре гола...

24-я минута: Эусебио – 0:2!

Рыдания и стоны потрясают торсиду. Еще одним черным мазком на эту симфонию всеобщего горя накладывается лихорадочный крик репортеров о травме Пеле, за которым безжалостно охотятся португальские защитники. «...И при возмутительном попустительстве британского арбитра Маккейба!...» – гневно восклицают репортеры.

Слезы. Яростно сжатые кулаки. Крики отчаяния и боли.

Забитый за двадцать минут до конца гол Рилдо вызывает на мгновение всплеск надежды, которая тут же гаснет: всем ясно, что это провал. Четыре гола в оставшееся время не забить! Катастрофа. Крушение мечты.

Десять минут до конца поединка.

Из окон домов начинают сыпаться клочки черной бумаги. В знак траура и печали. Яростно рвутся петарды, приготовленные для того, чтобы отметить победу. Рыдают девушки. Мужчины сжимают кулаки и беззвучно глотают скупые слезы, вперяясь невидящими взглядами в безжалостное табло.

Седой старик, сидящий у моих ног, чертит угольком на тротуаре какие-то загадочные знаки и раздувает дымок от тлеющего пряным ароматом пучка сухой травы. Видать, творит языческий обряд. Взывает к своим идолам или покровителям, к святым или дьяволам с мольбой о помощи. О помощи, которая не приходит.

За пять минут до конца все та же «Черная пантера» Эусебио забивает в ворота бразильцев третий мяч.

И тут разыгрывается драма, с описания которой я начал этот рассказ: совсем рядом молодой мулат с лицом, усеянным оспинами, с мозолистыми руками, в пластиковых шлепанцах на босу ногу, рвет майку на груди и с криком бросается под автобус.

Боги пощадили безумца. Каким-то чудом водитель уводит яростно визжащую тормозами тяжелую машину в сторону и умудряется затормозить в сантиметре от столба, на котором мигает желтым светом, словно сигнал бедствия, заклинившийся, видимо, тоже под воздействием всеобщей национальной драмы, светофор.

Мулатика поднимают, встряхивают, шлепают по щекам.

А над толпой все так же отчаянно и трагично, все так же на грани рыдания звенят голоса репортеров-соотечественников, сообщающие оттуда, из Ливерпуля, о крушении всех надежд.

Свисток судьи, возвещающий об окончании матча. Словно удар молотка, вгоняющий в гроб последний гвоздь. На табло приговор: 1:3!.. Горестный стон торсиды. Взрывы петард. И этот мой сосед, вроде бы уже пришедший в себя и неосторожно отпущенный сердобольными сострадалцами, снова кидается под машину. На сей раз под легковую: «Фольксваген»-«жучок».

Тут боги, видимо, тоже отвлеченные ливерпульской трагедией, уже отвернулись от мулатика: взвизгнув тормозами, машина бьет несчастного по ногам, парень взлетает вверх и с пронзительным криком падает на капот.

...Я видел это собственными глазами. На перекрестке улицы Мигель Лемос и авенидой Наша сеньора Копакабана 19 июля 1966 года.

Так я впервые ощутил накал страстей вокруг футбола в этой необычной стране, с которой судьба связала меня на долгие годы.

И в тот момент мне отчаянно захотелось понять, почему с такой силой бразильцы отдаются этой самоубийственной страсти?

Именно об этом: о полной и безоглядной поглощенности футболом, о том, к чему приводит эта национальная страсть, о ее благотворных и негативных последствиях, о ее влиянии на жизнь страны и на судьбы людей и пойдет речь в этой книге.

Начнем же рассказ с самого начала. С объяснения слова «торсида», которое стало для нас, русских людей, едва ли не самым известным и, пожалуй, самым популярным словом из загадочного, мало кому знакомого португальского языка. Именно на нем, на португальском, и говорят в Бразилии.

«Вывихнуть» или «страдать»?

Итак «ТОРСИДА». Откуда оно, это странное слово, возникло?

Звучное и хлесткое (пишется по-португальски: «torcida»), оно давно уже пришло к нам, в Россию. И не без участия автора этих строк, который широко пользовался им в своей первой книге, посвященной бразильскому футболу и изданной еще в 1970 году. Слово это понаравилось, прижилось, вошло в нашу жизнь, в наш лексикон, видимо, навсегда. Самое время поэтому задуматься для начала о его происхождении, о его семантических корнях.

Образовано оно от португальского глагола «torcer», который в соответствии с утвержденным Бразильской академией словесности «Малым бразильским словарем португальского языка» означает: «вывихнуть», «скручивать», «сгибать», «крутить», «портить», «развращать», «запутывать», «заставлять кого-либо менять направление или курс», «отказываться от задуманного», «подчинять»... и еще целый ряд значений, большинство из которых столь же специфичны и, скажем прямо, малопривлекательны. Лишь на одном из последних мест в этом перечислении значится: «спорт.: болеть». Вот так...

Видимо, это не случайно. Ведь и в самом деле: «болеть» – означает проделывать над собой именно то, что столь скрупулезно перечислено в словаре. И многое другое. В частности и в первую очередь: «страдать»...

Между прочим, известен и самый первый случай употребления этого глагола применительно к футбольным переживаниям. Где-то в самые первые годы прошлого века, когда футбол только-только начинал обретать популярность и первые репортеры выезжали на первые футбольные матчи, в их отчетах еще почти не было места описанию собственно футбола, поскольку футбол тогда интересовал репортеров гораздо меньше, чем публика, которая начинала заполнять трибуны. В основном на матчи приезжали либо на своих экипажах, либо на конке (в Бразилии она называлась «бонде») друзья или родственники игроков, а также члены клубов, на базе которых возникали футбольные команды, и их друзья или родственники. Вылазка на футбол была «выходом в свет». И наряды этих гостей, их разговоры, анекдоты, слухи и сплетни, которые собирались репортерами на трибунах, были, естественно, куда интереснее, чем непонятная беготня двух десятков парней за одним мячиком там, внизу, на поле... Но случалось, что подруга или сестра кого-нибудь из футболистов вдруг начинала принимать близко к сердцу то, что происходило перед ее глазами. Не потому, что она лучше других разбиралась в стратегии и тактике футбольной игры (если в те времена еще можно было говорить о какой-то «стратегии» или «тактике»), а просто потому, что вдруг видела, как ее возлюбленный получал по ногам, падал, корчился от боли. Возможно, именно в такой момент один из репортеров подметил и описал в своей заметке девушку, которая «нервно скручивала перчатки, переживая происходящее на этом поле для foot-ball...».

И в одной из следующих своих заметок с футбольного матча он снова вспомнил эту девушку, которая принималась «torcer», то есть «нервно крутить» свои перчатки. Это выражение понравилось, его подхватили другие писатели, оно стало кочевать из газеты в газету, и в конце концов, благодаря извечной любви бразильцев к крылатым выражениям, к лихим оборотам, к поэтическим метафорам, прижилось. Отсюда и появилось собирательное значение болельщиков как «торсиды». Со временем оно стало общеупотребительным в Бразилии, а потом и в десятках других стран, в том числе и в России.

«Мы умираем чаще...»

Всю эту гамму переживаний, выраженных глаголом «torcet», один бразильский публицист остроумно выразил в форме призыва торседора, обращающегося к жене накануне очередного футбольного сезона с такими словами:

«Чемпионат начинается, жена...Все! Отныне и до декабря не рассчитывай на мое участие в воскресных обедах со своей мамашей. Теперь буду кушать пораньше и что-нибудь легкое. Лишь бы обмануть желудок. Доктор говорит, что перед матчем нельзя слишком плотно наедаться. Приходится слушаться доктора, жена. Ведь война чемпионата слишком жестока и безжалостна, и чтобы победить в ней, необходимо соблюдать режим.

И не стоит, моя дорогая, говорить, что я смешон, что я преувеличиваю! Да, я не играю, не бегаю за мячом, но ты же знаешь: нам, торсиде, приходится гораздо труднее, чем игрокам. И торседорес умирают чаще, чем те, кто бегают там, внизу...

Да, жена, начинается священная война, и впереди у меня масса забот. Я буду свистеть и сам буду освистан, буду забивать голы и пропускать их, я буду плакать и смеяться... Поэтому, жена, смирись с моим отсутствием по воскресеньям. Но прежде чем отправиться с сестрой или тещей в кино, не забудь поставить для меня бутылку пива в холодильник. И таблетку «Мельорала» от головной боли – на тумбочку у моей кровати. Пиво, чтобы отметить победу, лекарство – на случай поражения.

Но никому не говори про таблетку, потому что друзья начнут смеяться надо мной. И потому что думать о проигрыше перед матчем – плохая примета».

Такой вот страстный и взволнованный монолог.

Ну а если кто-нибудь из вас, уважаемые читатели, полагает, что фраза «...Торседорес умирают чаще, чем те, кто бегают там, внизу» является заведомым преувеличением, что это – всего лишь поэтическая гипербола, расскажу такую историю.

«Матч пяти смертей»

6 марта 1958 года в Сан-Паулу на стадионе «Пакаэмбу» в рамках традиционного турнира сильнейших команд Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу встречаются старые и непримиримые соперники: «Сантос» и «Палмейрас». Одно из самых традиционных и непримиримых дерби бразильского футбола, которое всегда гарантирует жаркую борьбу, вулканические эмоции на трибунах и любые неожиданности на табло.

В тот осенний мартовский день пятьдесят восьмого года именно так все и происходило. На поле и на трибунах. И чтобы выразить нашим земным языком страсти, бушевавшие на поле, на трибунах и во всем городе и штате Сан-Паулу, нужен гений Шекспира. Не обладая таким даром, автор этих строк ограничится лишь конспективным, протокольным изложением происходивших на поле событий:

8-я минута, гол «Палмейраса» (Уриас), 1:0.

10-я минута, гол «Сантоса» (он забит еще безвестным за пределами Бразилии, всего лишь подающим надежды семнадцатилетним Пеле), 1:1.

25-я минута, гол «Сантоса» (Пагао), 2:1.

26-я минута, гол «Палмейраса» (Нардо), 2:2.

33-я минута, гол «Сантоса» (Дорвал), 3:2.

42-я минута, гол «Сантоса» (Пепе), 4:2.

44-я минута, гол «Сантоса» (Пагао), 5:2.

Перерыв... Прервемся и мы и посмотрим еще раз на табло. Итак, после первого тайма «Сантос» ведет 5:2.

– И теперь скажите мне, пожалуйста: разве у кого-нибудь могут возникнуть сомнения по поводу окончательного исхода поединка? – такой вопрос задал финансовый директор клуба сеньор Сиро Коста, рассказывая мне историю десять лет спустя, когда я однажды в его кабинете ожидал игрока «Сантоса» Зито, который должен был отвезти меня на загородную базу этого клуба для встречи с Пеле.

Я, разумеется, согласился, что никакого сомнения тут быть не может.

– И все мы так думали, – продолжил рассказ Сиро Коста. – Я уже начал подсчитывать, каким будет «бишо», то есть премия за победу, и как мне придется по справедливости разделить между нашими игроками выделенную под победу премиальную сумму.

– И парни наши, – продолжает Сиро Коста, – не сомневались в победе. Некоторые спрашивали у меня, каким будет «бишо». Кое-кто уже рассказывал, радостно смеясь, как он собирается израсходовать эту сумму...

Начинается второй тайм. В котором события развиваются весьма неожиданным образом. Вновь перехожу к телеграфно-протокольному изложению событий:

16-я минута, гол «Палмейраса» (Маззола), 3:5.

19-я минута, гол «Палмейраса» (Паулиньо), 4:5.

27-я минута, гол «Палмейраса» (Маззола), ничья 5:5.

35-я минута, гол «Палмейраса» (Уриас), «Палмейрас» ведет 6:5.

...К этому моменту среди торсиды уже были зарегистрированы три смерти: на трибунах стадиона погибли от разрывавших душу эмоций два болельщика (один «сантист», другой – торседор «Палмейраса»), а в городе умер от тяжелого инфаркта третий, ехавший в автобусе с транзистором, излучавшим смертельную радиацию репортажа...

Но впереди еще десять минут игры.

37-я минута. Гол «Сантоса» (Пепе), ничья 6:6.

В этот момент в городе Кампинасе (в ста километрах от Сан-Паулу) умирает от разрыва сердца четвертый болельщик, слушавший вулканический радиорепортаж с «Пакаэмбу».

41-я минута. Гол «Сантоса» (Пепе), 7:6, победа «Сантоса», конец матча и... с финальным свистком судьи Жоана Этцеля погибает пятый болельщик. И тоже от инфаркта.

И тут нужно заметить, что, несмотря на обилие голов и накал борьбы, никто из футболистов не получил серьезных травм. Все остались живы и здоровы. Погибли лишь пять болельщиков.

И потому в историю бразильского футбола этот поединок вошел под названием «матч пяти смертей».

И теперь самое время задуматься, почему люди способны на такие реакции? Почему, с какой стати эта страшная в своей неудержимости сила не только приводит их на стадионы, но и толкает подчас на гибель?

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, нужно для начала разобраться, как же родилась и сформировалась бразильская торсида, выражающая такие эмоции?

Это начиналось так...

Первая игра в футбол состоялась в Бразилии в 1890 году в городе Белем, лежащем в устье Амазонки. Играли там англичане: моряки стоявшего на рейде Белема судна и местные инженеры, работавшие по контрактам. В Сан-Паулу первый футбольный матч был зафиксирован 14 апреля 1895 года. Присутствовали на нем 60 болельщиков, точнее сказать, любопытствующих зевак, с интересом наблюдавших за этим странным зрелищем. Никаких чрезвычайных происшествий, тем более смертельных случаев, в тот день зафиксировано не было. Так же, как и на первом матче в истории Рио-де-Жанейро, который состоялся 1 августа 1901 года. Там за ходом событий наблюдали всего полтора десятка зрителей.

Видимо, вряд ли эту кучку энтузиастов, случайно забредших на диковинное игрище (а скорее всего приглашенных самими футболистами), можно считать первыми торседорес. Думаю, будет правильно предположить, что формирование торсиды в Бразилии началось с того момента, когда на матчи начали продаваться билеты, то есть сам факт посещения футбола уже превращался в акт определенного самопожертвования. Имеется в виду некоторая денежная сумма.

Первый такой поединок с платными зрителями был организован через год после возникновения первого в Рио футбольного клуба «Флуминенсе» на его поле – 16 июля 1903 года. Билет стоил два мильрейса. Не так уж и дешево. Столько же, учтите, стоил билет в местную Оперу! На эти деньги можно было хорошо прокатиться на извозчике либо купить две бутылки шикарного итальянского вина или килограмм хорошего французского сливочного масла (датское, выше классом, стоило уже три мильрейса). Либо упиться пивом. Так нет же: нашлись все-таки целых 969 человек, которые решились израсходовать эту сумму на просмотр футбольного матча! А вместе с родственниками и друзьями футболистов (которые, естественно, прошли на матч без билетов) на той игре присутствовали около двух с половиной тысяч зрителей! Цифра, которую, заметим, и сегодня-то далеко не всегда регистрируют контролеры стадионов даже на матчах больших клубов. (Например, 20 ноября 1996 года на матче еще формально сохранявшего тогда звание чемпиона Бразилии-95 «Ботафого» с командой «Витория» присутствовало... 162 болельщика. Это был рекордно низкий показатель посещаемости в национальном чемпионате того года.)

Возвращаясь к истокам бразильского футбола и к первым росткам формировавшихся в начале века торсид, напомним очень важную для понимания этих давних событий деталь. В те времена сама футбольная игра была еще уделом элиты: студентов, молодых адвокатов, юных выходцев из самых «сливок» общества. Оно и понятно: ведь первые футбольные команды формировались в рамках аристократических клубов типа «Пайссанду» в Рио или «Германия» в Сан-Паулу. Они издавна практиковали вполне добропорядочные спортивные увлечения: гимнастику и крикет, гольф или греблю. А по выходным дням или праздникам устраивали для своих членов шикарные балы, на которых полагалось появляться в смокингах и вечерних туалетах. Одна только сумма вступительного взноса в такой клуб, превышавшая годовую зарплату рабочего или мелкого чиновника, сама по себе служила надежным барьером, предохранявшим от проникновения туда нежелательной публики. Не говоря уже о необходимости представления обязательных и авторитетных рекомендаций, о строгом процессе отбора кандидатов. Ни о каких неграх и мулатах в таких клубах, так же как и об их появлении на футбольных полях, и речи в те годы идти не могло!

Все это и предопределило социальный состав зрителей, располагавшихся в прошлые времена на трибунах первых бразильских стадионов. Публика эта, нужно признать, совсем не походила на ту, что мы видим сегодня на трибунах «Мараканы», «Лужников» или «Сантьяго Бернабеу». То были почтенные джентльмены в сюртуках и элегантных соломенных шляпах:

отцы, старшие братья и друзья резвившихся на поле игроков. И их матери, сестры и подруги: в изящных платьях с кринолинами и кружевами, с веерами из страусиных перьев, благоухавшие французскими духами, шелестевшие шелками, трепетавшие зонтиками. Неудивительно поэтому, что, как я уже сказал, попадавших иногда на матчи репортеров (так же, как и читателей их продукции) гости на трибунах интересовали гораздо больше потных парней, носившихся по полю за мячом. В отчете о первом поединке «Фламенго» и «Флуминенсе», состоявшемся 7 июля 1912 года, газета «О Паис» писала: *«Несмотря на имевшие в этот день место turf и rowing, очень многочисленное избранное общество собралось все же на field, где состоялась meeting»*.

Да, действительно, в те времена газеты имели обыкновение вдохновенно перечислять наиболее примечательные фигуры, изволившие почтить своим присутствием эту странную забаву, детально описывали туалеты дам, рассказывали о слухах и анекдотах, которыми перебрасывались на трибуне представители «общества», созерцавшие матч. Ну, а иногда случалось, что в конце такой заметки сообщался и результат поединка.

Постепенно эта загадочная, но чертовски увлекательная британская игра football начала завоевывать симпатии публики и отбирать зрителей у самых популярных воскресных развлечений: скачек, гребли, крикета и парусных регат. Стало модным ходить на матчи. Стало престижным отдавать свои симпатии любимому клубу. И декларировать эту свою любовь ленточками с цветами любимого клуба, которые укреплялись на соломенных шляпах. Причем это были не просто ленточки, купленные, извините меня за предположение, в галантерейной лавке за углом. Нет! Это были ленточки, заказанные в Англии! Вот так...

С ножом и пистолетом

Хотя негров и мулатов держали вдали от футбольных клубов, но запретить им глазеть на матчи было невозможно. И если «чистая» публика гордо восседала на плетеных креслах трибун, то плебс вынужден был толкаться на так называемой «geral» – узкой полоске стоячих мест вдоль ограды, отделявшей трибуны от зеленого газона «field», на котором резвились «бэки», «халфы» и «форварды». (В футболе тогда царила только английская терминология.)

И почему-то именно там, на этой «жерал», появлялись самые горячие, самые страстные и верные поклонники «Фламенго», «Флуминенсе» и других «больших» клубов. Хотя в фавелах, на рабочих окраинах, в северной зоне Рио, где жил незнатный люд, тоже начали создаваться свои команды, свои клубы, но плебс поначалу с особым удовольствием отдавал свои симпатии клубам-«грандам» с их «академиками», как называли тогда футболистов. (Еще бы! Во «Фламенго», выигравшем свои первые чемпионаты Рио в 1914–1915 годах, из четырнадцати игроков основного состава восемь были студентами медицинского факультета местного университета, четверо – юридического и только двое были не студентами, а сыновьями богатых бизнесменов!)

В историю «Флуминенсе» вошла экзотическая пара его первых знаменитых торседоров: Шико Гуанабара и Овидио Дионизио. В день матча своего клуба эти два могучих негра, принаряженные, благоухающие дешевой туалетной водой, спускались из фавелы. Надо было видеть этих денди! Физиономии тщательно выбриты. Вокруг шеи – яркие платки, белоснежные, безупречно отглаженные брюки аккуратно заправлены в начищенные до блеска сапоги, из-за отворотов которых торчали ручки длинных ножей. Парни, естественно, отправлялись на «жерал»: Шико стоял всегда в первом ряду, облокотившись небрежно на ограду, а громадный Овидио, прозванный почему-то Джонсоном, торчал позади. Чтобы не закрывать другим футбольного поля. Но если кто-то поблизости вдруг ронял неосторожное словцо в адрес любимого «Флу», Шико выхватывал нож, а Овидио сжимал кулак. И все, и точка! Дискуссии или насмешки тут же прекращались.

А клуб «Сан-Кристован» был известен в те годы столь же экспансивным торседором по кличке Пернета (Безногий). Это был одноногий мулат, в любой драке пускавший в ход свой костыль. А иногда и нож... Однажды он чуть было не прирезал президента «Ботафого» Пауло Азередо, которого спас от расправы тренер «Сан-Кристована» Луис Виньяс, утихомиривший «народного мстителя».

Такой же рыцарь был тогда и у «Ботафого»: негр Мануэль Моторнейро. Однажды его клуб играл в гостях, в северном пригороде Рио, против «Бангу». За победу вручался весьма красивый кубок. Матч был выигран «Ботафого», но разъяренная местная торсида с громкими воплями «Выиграли, но не получите!», вооружившись палками, ножами и камнями, окружила палатку, где «ботафогенсес» переодевались после игры. Расправа была бы ужасной, если бы не Мануэль. Он выхватил пистолет, встал перед входом в палатку и крикнул, что застрелит каждого, кто сделает шаг вперед.

Как взбесившиеся, желающие полакомиться мясом дрессировщика тигры, торседорес «Бангу» теснились вокруг «Ботафого», ругаясь, крича, проклиная обидчиков и так и не решаясь сделать роковой шаг. Осада продолжалась около часа, пока не подоспел вызванный кем-то отряд полиции, вызволивший пленников. Их отконвоировали до платформы пригородного поезда, они сели в вагон и тут же легли на пол, ибо в окна вагона полетели камни.

Элитарность тех первых футбольных клубов-грандов приводила иногда к совершенно невероятным ситуациям. Однажды, это было еще в двадцатые годы, хозяева «Флуминенсе», после отчаянных споров и колебаний, решились-таки пойти на нарушение неписаного, но святого закона: из «Америки» во «Флу» был приглашен светлый мулат Карлос Альберто. Уж

больно хорошо играл, мерзавец! Впрочем, пока он играл во второй команде «Америки», никто не обращал внимания на смугловатость его кожи. А тут вдруг его определяют в первый состав «Флу» – едва ли не самого аристократического клуба!

Нет, вы представьте себе всю невероятность ситуации: рядом с «академиками» этот мулат должен был выбегать на поле и, как это было принято в те годы перед началом матча, подбегать к главной трибуне и дружно, вместе с командой скандировать несколько раз, обращаясь к той шикарной публике, к тем выложенным сеньорам в котелках с трехцветной ленточкой из Лондона, к тем нежным и хрупким девочкам под зонтиками, к их мамашам, затянутым в корсеты из китового уса:

«Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!»

И слушать в ответ снисходительно-доброжелательные рукоплескания.

И еще раз представьте себе: вся команда – белая, как подвенечный наряд, а он, Карлос Альберто... Ах, черт возьми!

Терзаясь и смущаясь, парень попытался найти выход: перед первым своим появлением на поле он тщательно запудрил лицо рисовой пудрой.

Выбежали, подбежали к трибуне, прокричали.

Трибуны ответили вежливыми хлопками и девичьим повизгиванием. Все нормально.

Потом разбежались по своим позициям, судья дал свисток, игра началась, и тут... спустя уже несколько минут (старавшийся не ударить в грязь лицом Карлос Альберто носился по полю, не жалея сил) по вспотевшему лицу его эта проклятая пудра потекла вместе с каплями пота, да так, что лицо сначала стало полосатым, как у зебры, а потом и вовсе открылась та самая природная, так компрометирующая его смуглость. Кошмар!

И это, естественно, тут же заметили на трибунах. И торсида соперников – те самые болельщики «Америки», которые не хотели простить ему «предательства», начали вдруг скандировать: «Po de Arroz!», что означало: «Рисовая пудра!».

Не будем гадать, что творилось в те минуты в душе отверженного. Но заметим, что как-то неожиданно это название «Рисовая пудра» так и прилипло к команде и торсиде «Флуминенсе». И вскоре с каждым появлением «трехцветных» игроков на поле соперники на трибунах начали встречать их дружным криком: «Po de Arroz!» Это продолжалось и тогда, когда Карлос Альберто перестал играть. Торсида «трехцветных» сначала возмущалась, а потом вдруг как-то неожиданно приняла это прозвище, сделала рисовую пудру своим «фирменным знаком» и стала появляться на матчах с... запасами этого продукта, используя его для расцветивания атмосферы: тысячи легких бумажных мешочков, запущенных вверх, разрывались и окутывали трибуны пьянящим серо-белым туманом.

Этот обычай, кстати сказать, сохранился и до сих пор. Помнится, на последнем «Фла» – «Флу» (так для краткости и лихости именуются дерби «Фламенго» и «Флуминенсе»), которое я видел на «Маракане» в ноябре 2001 года, при появлении своей команды из туннеля торсида «Флу» буквально погрузила весь стадион в туман рисовой пудры. Точно так, как я это наблюдал на первом моем «Фла» – «Флу» три десятка лет назад.

Веслами по головам

Да, соперничество команд порождало соперничество торсид. Но первые его проявления, по крайней мере, в среде «академиков», в кругах той элитарной торсиды, что посещала трибуны, а не толпилась на «жерал», еще не были слишком уж безжалостными. Они поначалу выливались в невинные забавы над неудачниками, в подшучивание и насмешки, вроде упомянутой «Рисовой пудры», в ответ на что торсида «Флу», обращаясь к болельщикам «красно-черного» «Фламенго», скандировала столь же вдохновенно: «Po de carvão!» («Угольная пыль!»)

Ах, как это было мило, как это было интеллигентно, если посмотреть на эту традицию из суровых сегодняшних стадионных будней! Если вспомнить о нынешних нравах торсиды... В те годы, например, с трибун еще не летели на поле бутылки, еще не научились орать неудачно игравшим футболистам: «Вон с поля!» Вместо этого в тот момент, когда мяч попадал к неугодному торсиде игроку, она начинала хором покрикивать: «Olha o telefone!» («Ой-ой-ой! Звонит телефон!...») Подразумевалось, что неугодный футболист должен отправиться к ближайшему телефону, куда его якобы вызывают, освободив тем самым команду от своего присутствия.

Проигравшей команде, пока она переодевалась после матча, могли привязать к автобусу связку пустых жестянок. Их громохание должно было возвестить городу о проезде неудачников. Посылались язвительные телеграммы с выражением «искренних соболезнований» по случаю проигрыша. Покупались и дарились гигантские шляпы – «для вспухшей головы».

Естественно, торсида победителей стремилась отпраздновать победу как можно более пышно и шумно. Размах таких торжеств становился все более изощренным и изобретательным. Если самые первые матчи в Рио и Сан-Паулу в начале прошлого века обязательно завершались торжественным совместным – для победителей и побежденных – ужином в дорогом ресторане, то с нарастанием соперничества эта традиция умерла. Ужинали только победители. Причем старались, чтобы ужин сопровождался оркестром. Но поскольку матчи проходили в воскресенье, то оркестр приходилось заказывать заранее: в пятницу или субботу.

Свисток судьи, возвещавший об окончании поединка, служил стартовым сигналом для оркестра, нанятого торсидой победителей. Под грохот барабанов, ликующее пение труб, размахивая стягами своего клуба и скандируя насмешки в адрес поверженных соперников, победители гордо шествовали с трибун на улицы города. Чтобы затем в ресторанах и кафе достойно отметить победу.

Ну а в случае проигрыша ужин, естественно, отменялся. Оркестранты, получив от неудачников какую-то компенсацию, отправлялись восвояси, а проигравших подстерегала на улице и безжалостно освистывала счастливая, изнемогающая от восторга «вражеская» торсида.

Страсти накалялись. Противоборство торсид обретало все более резкие и грубые формы. Особенно это стало заметно с появлением в первой лиге чемпионата Рио-де-Жанейро (национальные чемпионаты в те времена в Бразилии еще не проводились) клуба «Васко да Гама», выигравшего в 1922 году чемпионат второй лиги и получившего право на вхождение в элитную группу «грандов». Возникший в начале века в недрах многотысячной португальской колонии бразильской столицы, «Васко» с первых же шагов проявил беспрецедентный шокирующий демократизм: он свободно принимал в свои ряды негров и мулатов. Мало того, именно они: «colored» («цветные») стали основной ударной силой этой команды. И именно потому, что все футболисты этой команды были «из низших сословий», ее тренер Рамон Плалеро смог впервые в Бразилии наладить с ними самую что ни на есть профессиональную работу. Он посадил их на режим жесткой концентрации, организовал с помощью покровителей и спонсоров из португальской колонии режим питания и всерьез занялся физической подготовкой своих парней. Каждое утро негры и мулаты, выпив по стакану свежего сока, отправлялись бегать кросс. В конце концов, они дошли до таких физических кондиций, какие не снились «академикам»,

никогда не знавшим серьезных нагрузок, никогда не уделявшим своей «физике» должного внимания. И когда «Васко» вдруг получил право играть с «академиками», в их рядах возникло состояние шока, негодования, а затем и паники. «Эти» негры и мулаты, после первой весьма бледной (сказалось, видимо, волнение премьеры) ничьей (1:1) со слабенькой командой «Анда-рай», вдруг начали беспощадно бить одного за другим всех этих самонадеянных, уверенных в своей непобедимости грандов. Они просто давили их своей выносливостью, в каждом матче умудрялись «перебегать», поразить скоростью и выносливостью самых сильных соперников.

От победы к победе «Васко» неудержимо продвигался к первому месту. Оскорбленная в своих лучших чувствах торсида «академиков» перед поединком «Васко» с последним из еще неповерженных могикан – «Фламенго», намеченным на 8 июля 1923 года, задумала показательно проучить этих «выскочек». Идея вызревала в кафе «Рио Бранко» и в галерее «Крузейро» – стратегических центрах фанатов «Фламенго». Было решено, что после «постыдных» поражений, которые потерпели от «Васко» все остальные гранды, именно элитарный, гордящийся своей «голубой кровью» «Фламенго» должен смыть этот позор! Причем не только на поле... Началась невиданная доселе психологическая подготовка. Вздвигали себя и игроки, и торсида. Была «проведена работа» с судьей предстоящего поединка Карлосом Мартинсом да Роша, знаменитым Карлитой Роша, известнейшим «ботафогенсе», фигурой, отметившей историю бразильского футбола. Впрочем, с ним работу можно было и не «проводить»: как почетный член тоже элитарного «Ботафого», он жаждал мести и рвался в бой. И сыграл свою роковую роль на последних минутах поединка.

И вот, в тот памятный зимний, но теплый июльский день, отправляясь на матч с «Васко», фанаты «Фламенго» прихватили с собой на трибуны... весла, завернув их в газеты и в красно-черные флаги «Менго», как любовно называют иногда свою команду ее поклонники. Весла объявились тут совсем не случайно: клуб этот еще до появления в нем футбола активно культивировал парусный и гребной спорт. И с момента своего основания в 1895 году до сих пор он все еще именуется «Клуб регат Фламенго». И этими веслами прямо там, на трибунах, торседорес «Менго» принялись избивать «васкаинос» каждый раз, когда те пытались подбадривать свою команду. Кажется, это был первый в истории случай такого жесткого столкновения торсид прямо на трибунах. За пределами стадиона стычки уже случались, но на трибуны эта война перекинулась именно с того памятного дня.

По окончании поединка (он был выигран «Фламенго» 3:2 при явном попустительстве Карлиты Роша, который на последних минутах поединка не засчитал абсолютно верный гол в ворота «Фламенго») ликующие фанаты «Менго» в союзе с не менее радостными болельщиками других грандов организовали торжественный автомобильный (в 100 машин!) проезд. Они шествовали через весь город от раскидистых пальм пляжа Фламенго через богемный, славившийся хулиганистым нравом своих обитателей квартал Лапу, где был заброшен камнями и бомбами португальский бар Капела, затем, уже в центре – по улице Эваристо Вейга, авениде Рио-Бранко, через площадь Республики к площади 11 июня, где была мимоходом разгромлена португальская пивная «Виктория», в которой «васкаинос» обычно отмечали свои славные победы.

Свирепо сигналя, гремя барабанами и взвизгивая трубами, этот кортеж плыл под овации толпившихся на тротуарах зевак, и при его приближении в панике закрывались лавки португальцев, задвигались шторы, опускались жалюзи и ставни. В их витрины летели камни и самодельные бомбы. Над входом в штаб-квартиру «Васко» близ пляжа Санта-Лузия был подвешен двухметровый башмак, служивший до того рекламой португальского обувного магазина на улице Катете. А на шею бронзовому первооткрывателю Бразилии, знаменитому португальскому мореплавателю Педро Альваресу Кабралу, высящемуся на площади Ларго да Глория, подвесили гигантскую связку лука.

Поразительно, что ни полиция, ни пресса, ни то, что принято называть «общественным мнением», не осудили этого варварства, и до сих пор тот матч числится в анналах «Фла», как одно из самых славных свершений любимого клуба.

Вспоминаю, с каким восторгом рассказывал мне однажды об этой странице его истории один из самых авторитетных летописцев «Менго», создатель подробнейшей истории этого клуба, умнейший и добрейший Иван Алвес, талантливый журналист, вдохновенный рассказчик, с которым мы долго и крепко дружили, несмотря на абсолютное несходство наших футбольных религий: Иван был, естественно, фанатичным «красно-черным», а я – не менее стойким приверженцем «Ботафого».

Но, возвращаясь в те бурные двадцатые годы... несмотря на только что описанную неудачу в матче с «Фламенго», чемпионом Рио-1923 стал все-таки «Васко» (для любителей статистики приведу состав той замечательной команды: Нельсон Чофер, Лейтао и Минготе, Клаудионор, Болао и Артур, Паскоал, Тортеролли, Сеси и Негрито). И теперь португальская колония, а вместе с ней и весь незнатный, небогатый Рио получили благодатную возможность отомстить «академикам» за недавнее унижение – отпраздновали свой сенсационный успех. И они-таки, пользуясь сегодняшней терминологией, «оторвались по полной программе». Торжествуя эту победу, таксисты Рио (большинство из них были португальцами) носились по городу с ревущими сиренами, бары и кафе, владельцами которых были португальцы, не закрывались до утра. Гремела музыка, звучали песни, взлетали в черное небо ракеты, тротуары и стены Рио были расписаны «Васко» – чемпион!».

А уязвленные до глубины души торсиды клубов-грандов уже мечтали о реванше. И о мщении.

И месть была придумана: руководители ведущих клубов Рио обратились в Федерацию футбола с требованием тщательно проверить «социальный состав» команды-победительницы. Тут я должен пояснить, что в те времена футбол в Бразилии был стопроцентно любительским. В учетных карточках городской лиги Рио обязательно фиксировались данные об основном месте работы или учебы или о занятии игрока. С клубами-грандами сложностей не возникало. На их игроков анкеты заполнялись без всяких проблем: «студент», «адвокат», «предприниматель», «лицо свободной профессии». Никаких зарплат, премий за забитые голы или выигранные матчи и турниры никто официально платить футболистам не имел права! И весьма состоятельным «академикам» никакие футбольные заработки не были нужны. Они играли в футбол ради славы, а не ради денег.

Но набрав талантливых ребят из дворовых команд, из маленьких периферийных клубов, руководители «Васко» смекнули, что наибольших успехов в футболе, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, может добиться только тот, кто целиком посвящает себя данному делу. То есть начинает заниматься им *профессионально*. Поэтому для своих питомцев хозяева «Васко» наняли прекрасного тренера уругвайца Рамона Платеро, перекупив его, кстати сказать, у «Фламенго» (что еще более усилило ярость торсиды «красно-черных!»), отстроили специальный учебный центр, где будущие чемпионы были до конца чемпионата поселены на постоянное жительство и с утра до вечера тренировались.

А в учетных карточках, отправляемых в лигу, для этих парней ставились липовые названия профессий и фирм, где они якобы работали.

И именно подобная стопроцентная всепоглощенность футболом позволила «васкаинос» победить всех фаворитов уже в первом же своем сезоне в высшей лиге.

Но это же послужило и основой для обвинений со стороны соперников «Васко» в скрытом, замаскированном профессионализме! И руководство футбольной лиги Рио-де-Жанейро приняло сторону взбунтовавшихся «грандов»: потребовало от «Васко» «немедленно убрать» из команды всех, кто не докажет, что он является стопроцентным любителем. Речь шла фактически о дисквалификации двенадцати футболистов основного состава!

Произошел скандал. «Васко» отказался выполнить это требование и пригрозил уходом из лиги. Болельщики поддержали чемпионов, и в конце концов футбольные бонзы вынуждены были пойти на попятный. Руководство лиги опубликовало «разъяснение»: ее теперь не устраивал плохо приспособленный для проведения матчей чемпионата стадион «Васко» на улице Мораис э Силва.

Стадион этот и впрямь был, скажем прямо, не ахти. Но у новорожденных чемпионов выиграло самолюбие, был брошен клич, объявлен сбор денег, и в конце концов к 1927 году «Васко» обзавелся лучшим на тот момент в стране стадионом «Сан-Жануарио».

В конце концов «мятежники» из «Васко да Гама» добились-таки своего: мало того, что они были признаны в качестве равноправных партнеров, но через десяток лет один за другим все остальные «гранды» поняли, что без негров и мулатов им не обойтись. И весь бразильский футбол начал перестраиваться на рельсы профессионализма.

Баллон над городами магия футболки

Но это произошло лишь в начале тридцатых, а до того случилась в Рио еще одна взбудоражившая торсиду сенсация: в 1926 году звание чемпиона (в первый и последний раз в своей истории) силами негров и мулатов, игравших в этом клубе, завоевал скромный «Сан-Кристован», за который болела вся северная зона Рио. И как блестяще была достигнута эта победа! Надменные «академики» «Фламенго» были, например, повержены дважды: 5:1 и 5:0! С таким же грохотом провалились и остальные гранды. По этому случаю незнатная торсида «Сан-Кристована» в пароксизме восторга довела до абсурда практиковавшийся уже несколько лет обычай запуска по праздникам и по торжественным случаям «баллонов» – воздушных шаров. Мастерились они по тому же принципу, по которому и ныне создаются гиганты воздухоплавания, пытающиеся даже облететь всю нашу планету: внизу под шариком крепится банка с керосиновым или иным нагревателем, теплый воздух наполняет шар и поднимает его. И этот «баллон» летает до тех пор, пока не выгорит горючее или пока его не расклюют любопытные птицы.

Так вот торсида «Сан-Кристована» соорудила десятиметровый шар, который, полетав над центром города, начал затем опускаться на гигантские баки с газом и горючим близ порта!

Рио охватила паника. Из близлежащих домов бросились убежать люди. Если бы не отвага пожарников, как минимум половина столичного города в тот день, 21 ноября 1926 года, взлетела бы на воздух! Вместе с императорским дворцом, зоопарком, муниципальным театром, парламентом и национальной библиотекой.

...Так постепенно страсти торсиды продолжали накаляться все горячее и безогляднее. Манифестации вражды к соперникам и демонстрации беззаветной преданности родному клубу становились все более шумными, экзальтированными, истеричными.

Именно в эти годы в недрах торсиды «Фламенго» рождается красивая легенда о «силе нашей футболки»: о том, что магия имени «Фла» способна творить чудеса. И в самом деле: все чаще и чаще случались поединки, которые эта команда выигрывала у заметно более сильных противников только «на крике» трибун. Торсида «Менго» увлекала своих парней, подстегивала их, заставляла брать невероятные высоты и выигрывать, казалось бы, безнадежно проигранные бои!

А подвиги «наших парней» опять-таки подхлестывали торсиду, рождали чувство единства и сопричастности тех, кто бежит с мячом, и тех, кто страдает на архибанкаде. «Патриотизм футболки» гиперболизировался, обретал черты магии и фанатизма, как это случилось однажды в той памятной истории 1927 года с одним из «красно-черных» по имени Пенафорте.

Это был молодой игрок. Белый. Но не из самых богатых. Из средних слоев, скажем так. Играл он очень даже прилично. Хотя и не был звездой. Пришла пора – собрался жениться. Но ему было как-то неловко – привести невесту в почти пустую свою квартиру. И он попросил у хозяев клуба денег на мебельный гарнитур. А в ответ получил гневный отказ и яростный упрек в отсутствии патриотизма, в измене идеалам клуба: «Как это так?! Разве кто-нибудь играет в нашем «Менго» за деньги?»

Ну, что же, бывает... Прослышав об этой истории, хитрые картолы¹ конкурирующего клуба «Америка» тут же подсустились и предложили жениху мебельный гарнитур в качестве свадебного подарка. Взамен, естественно, на переход Пенафорте в их команду. И парень ушел в «Америку». (Еще раз напомним: это было до вступления бразильского футбола в «эру профессионализма», когда никаких контрактов футболисты с клубами не подписывали и выбирали свою судьбу, исходя не из размеров денежных сумм, премий или окладов, а руководствуясь

¹ Картолами называют в Бразилии футбольных чиновников. – *Прим. авт.*

только и исключительно симпатиями к клубам или коллегам-футболистам, или тем, что уже тогда называлось «магия футболки»).

Расценив шаг Пенафорта как «акт предательства», торсида «красно-черных» (мало того, что она безжалостно, уже совсем по сегодняшним нашим меркам и стандартам, освистывала его на стадионе!) решила еще устроить ему и символические «похороны». Нельзя сказать, что уход Пенафорта слишком уж ослабил ряды «красно-черных». Отнюдь нет! На его место очень удачно встал Эрминио. И играл ничуть не хуже «беглеца». Но все равно: «предателя» нужно было наказать! Дабы другим было неповадно. И чтобы все знали, сколь беспощадна к предателям торсида «Менго».

Он был готов умереть

Публичную экзекуцию было решено устроить не сразу, а по окончании чемпионата. И по счастливому для торсиды «Менго» совпадению судьба чемпионата решалась в последнем матче их команды именно против «Америки», выигранном со счетом 2:1.

Это было 18 сентября 1927 года. И вскоре после победы от штаб-квартиры «Фламенго», которая тогда находилась еще не в Гавеа, как сейчас, а на улице Пайссанду, по главной авеню Рио-Бранко через кварталы Лапа, Манге, Площадь Бандейра по направлению к стадиону «Америки» на улице Кампос Салес двинулся «траурный кортеж»: увитые черными лентами машины. На первой из них плыл громадный гроб, на котором большими буквами было написано имя «предателя»: PENAFORTE.

Но ведь не только клуб «Фламенго» имел торсиду. Были не менее восторженные и патристичные обожатели и у «Америки»! И когда кортеж приблизился к кварталам, где уже царила и господствовала торсида этого клуба, один из «американос» по имени Армандо де Паула Фрейтас встал посреди мостовой перед машиной с гробом и широко раскинул руки.

Кортеж остановился. Сидевший рядом с водителем шеф торсиды «Фламенго» Силвио Пессоа встал на ноги, достал из-за пояса револьвер и направил его на Армандо. Тот закрыл глаза и отчаянным жестом беззаветной готовности умереть за «Америку» рванул рубаху на груди: «Стреляй!»

Силвио поднял револьвер, прицелился. Народ на улице замер. Стих горячий ветерок, гнавший по мостовой обрывки газет, застыли в жаркой неге пальмы, смолкли птицы: то ли от духоты, то ли от страха перед тем, что может сейчас произойти.

Армандо стоял с закрытыми глазами, неподвижный, как памятник самому себе. Было ясно, что он таки умрет за родной клуб, но не сделает и шагу назад.

Тогда Силвио снова сунул револьвер за пояс и крикнул, что сейчас переедет Армандо. Тот продолжал стоять, закрыв глаза с распахнутой на груди рубахой.

«Считаю до трех!» – предупредил Силвио.

Армандо стоял.

Раз! Два! Три!..

Силвио скомандовал водителю, мотор взревел, автомобиль медленно двинулся на Армандо, толкнул его, бросил на тротуар, надвинулся... Задавил?! Нет, Армандо схватился руками за бампер и, истекая кровью, тащился под кузовом, болтаясь из стороны в сторону, но, слава богу, уклоняясь от колес, которые так и не переехали его.

Подбежавший со всех сторон народ прекратил этот поединок, в котором один готов был убить, а другой – умереть во имя любимого клуба.

Таким становился накал футбольных страстей. И никого уже не удивляло, казалось вполне естественным, когда умиравший от туберкулеза водитель такси Мелкиадис, всю жизнь болевший за маленький клуб северной зоны Рио «Андараи», попросил пришедших проститься с ним родных и друзей: «Когда повезете мое тело на кладбище, пускай катафалк два раза объедет вокруг нашего стадиона». Пожелание Мелькиадиса было выполнено. Так же, как и последняя просьба болельщика «Сантоса» Жозе Жоакина Маркеса, который еще в молодости сменил жилье только для того, чтобы поселиться поблизости от «Вилы Бельмиро» – стадиона любимого клуба, где он не пропускал ни одного матча. Так, в страданиях и радостях, в неразрывной связи с любимым клубом прошла вся его жизнь...

И однажды после тяжелого сердечного приступа, чувствуя, что неотвратимо близится последний час, 87-летний Жозе прошептал супруге, с которой к тому времени прожил в любви и согласии 64 года: «Котинья, радость моя! Поверни, пожалуйста, меня так, чтобы лицо мое было обращено к «Виле Бельмиро». Хочу уйти, глядя на наш «Сантос»...

Первая шаранга

Рано или поздно такие страсти и столь горячая преданность родному клубу должны были привести к неизбежному и естественному организационному объединению всех этих людей, готовых убить или умереть за свой «Фла» или «Триколор», «Ботафого» или «Васко», «Палмейрас» или «Коринтианс». И первым шагом в этом направлении стал удивительный для того времени и совершенно обычный для сегодняшних дней поступок болельщика «Фламенго» Жайме де Карвальо.

11 октября 1942 года перед началом матча своей команды с «Флуминенсе» он вышел на поле вместе со своей супругой доной Лаурой, подняв над головами красно-черный плакат с ярко-белыми буквами: «Avante, Flamengo!» («Вперед, Фламенго!»). Поскольку это произошло на стадионе «Флуминенсе» в Ларанжейрас, где преобладала «вражеская» торсида – поклонники «рисовой пудры», трибуны разразились протестующим свистом. И в этот момент вдруг оглушительно грянула «шаранга» – самодеятельный оркестр, тоже приведенный Жайме на этот матч. А поскольку в его составе преобладали ударные инструменты и трубы, свист «трехцветных» был безжалостно задавлен. Это так понравилось «красно-черным», что они с тех пор на всех матчах любимого «Менго» стали появляться с «шарангой» и плакатами, приветствующими любимый клуб.

Итак, родоначальником первой *организованной* торсиды стал именно «Фламенго» – самый популярный бразильский клуб, торсида которого так многочисленна, так велика, что его поклонники утверждают: «Где бы «Менго» ни играл, он всегда чувствует себя хозяином поля, ибо всегда и везде – от Рио до Токио, от Бразилии до Исландии – его окружает любовь торсиды». И потому вполне логично, что именно торсида «Менго» первой сорганизовалась, первой появилась на стадионе не как разнокалиберная, анархическая толпа, а как организованная масса, как сплоченный отряд болельщиков, ведомый командирами, скандирующий, ликующий и вибрирующий под звуки и ритм своей «шаранги» или «батарей».

Этому примеру тут же последовали болельщики других клубов. А чтобы этой стихии поклонения и жертвенности придать какие-то осознанные и четкие формы, вскоре в недрах торсид родились и избираемые на собраниях и ассамблеях исполнительно-директивные органы: президенты, вице-президенты, директора, члены правления. Торсиды обзавелись департаментами, службами и отделами.

Вы спросите: «Какие еще отделы?»

Отвечаю: финансовый, ведающий сбором членских взносов, коммерческий, занимающийся контрактами с заинтересованными фирмами и властями, заказывающий «фирменные» футболки, значки, флажки, эмблемы... Пропагандистско-рекламный, ведающий распределением среди болельщиков, отправляющихся на очередной матч, плакатов, флагов, транспарантов, петард, ракет, мешочков с пудрой (у торсиды «Флуминенсе»).

Естественно, появились у организованных торсид и руководители оркестров и «батарей», и свои юристы, помогающие разобраться с полицией в учащавшихся случаях обострения страстей, свои администраторы, премирующие самых старательных торседорес бесплатными билетами на матчи любимого клуба и организующие коллективные выезды торсиды на поединки в другие города и штаты на специально арендованных для этого автобусах, а впоследствии и чартерных авиарейсах.

Сейчас такие поездки болельщиков за любимым клубом или за сборной стали во всем мире делом обычным, никого не удивляющим. Британские «хулс» «Арсенала» или «Челси» еще совсем недавно наводили трепет на полицию и директоров стадионов европейских стран, болельщики «Спартак» отправляются за любимым клубом в Питер или Исландию. Сколько таких фанатов едет за любимым клубом в другой город или страну? Две-три сотни? Тысяча?

Пять или десять тысяч? А знаете ли вы, что бразильцы и тут поставили удивительный и убедительный рекорд?

Самое мощное из таких перемещений торсиды на матч любимой команды было отмечено 5 декабря 1976 года, когда более 70 тысяч болельщиков «Коринтианса» отправились из Сан-Паулу в Рио, чтобы поддержать свою команду в полуфинальном матче национального чемпионата против «Флуминенсе»! Семьдесят тысяч «гостей» на трибунах стадиона!

Невероятно, но факт: из 146 тысяч присутствовавших в тот день на «Маракане» болельщиков ровно половина были «коринтианос» из Сан-Паулу! И опровергая давнее категорическое футбольное поверие: «Торсида матч выиграть не может!», паулисты столь мощно вдохновили свою команду, что, сыграв в основное время вничью (1:1), «Коринтианс» все-таки вырвал победу по пенальти 4:1!

Но, увы, перенесенное на «Маракане» сверхнапряжение столь дорого обошлось и торсиде, и команде, что спустя неделю в финале «Коринтианс» проиграл «Интернасионалю» 0:2, и после этого «коринтианос» пришлось целых четырнадцать лет ждать первой победы в чемпионате страны в 1990 году!

«Fiel» означает «преданная»

Впрочем, ожидание победы для «коринтианос» дело привычное. Однажды им пришлось ждать победы любимого клуба в чемпионате Сан-Паулу целых 22 года. Или, если уж быть совсем точным, 22 года 8 месяцев 7 дней 4 часа и 36 минут! С такой скрупулезностью был подсчитан местными статистиками срок, отделявший победный гол в чемпионате 1954 года (завоеванном, правда, 6 февраля 1955-го) от гола, принесшего следующую победу и забитого 13 октября 1977 года...

Нет, вы вдумайтесь в эти цифры: 22 года торсида «Коринтианса» ожидала победы своего клуба в каком-либо из чемпионатов или турниров! Двадцать два года! За эти два с лишним десятилетия неузнаваемо изменились и страна, и мир. Пришел в большой футбол и ушел из него великий Пеле, успев забить более тысячи двухсот голов (в том числе немалую толику из них в ворота «Коринтианса»!). Трижды бразильцы становились за это время чемпионами мира. В стране тем временем был свергнут демократический режим президента Гуларта, и власть захватили генералы, двадцать лет со скучной регулярностью сменявшие друг друга в президентском дворце. Менялись эпохи, мир стал иным, а «коринтианос» все ждали и ждали победы!

Не случайно, видать, один из самых верных поклонников этого клуба поэт и композитор Жилберто Жил сказал однажды: «Быть коринтиано – значит решить для себя, что каждый год ты будешь страдать».

Да, именно это чувство – страдание – является определяющим, когда речь заходит об «алвинегрос» – «черно-белых», как называют себя фанаты «Коринтианса», которые за все свои долголетние и нескончаемые страдания, за долготерпение и верность любимому клубу назвали сами себя, свою торсиду, крупнейшую в самом крупном штате страны Сан-Паулу и вторую по численности в стране после «Фламенго», трогательным и точным словом: «Fiel» – «Верная» или «Преданная».

Я бывал в гуще разных торсид, общался с их лидерами и с рядовыми фанатами. С теми, не слишком многими, кто приходит на «Маракану» или «Пакаэмбу», чтобы просто насладиться игрой. И с теми (их большинство), кто без лишних раздумий отдается своей страсти, кто ликует и рыдает, кричит и падает в обморок, танцует и лезет в драку, запускает петарды и в самозабвенном реве скандирует слова любви или ненависти. И прихожу к убеждению, что, пожалуй, правы те, кто считает: «Fiel» – это что-то особое, что-то отличающееся от остальных торсид и фанатов. Что-то загадочное для постороннего глаза. Даже по сравнению с общепризнанно самой главной, самой шумной, самой многочисленной в стране, а может быть, и в мире, торсидой «Фламенго».

Летописец и страстный, до полной потери себя фанат «Коринтианса» Жука Кфури – один из лучших футбольных журналистов и автор мемориального альбома «Коринтианс» – «страсть и слава», заметил в этом своем монументальном труде интересную особенность: оказывается, самые великие идола «черно-белой торсиды» не обязательно являются самыми лучшими игроками команды. Прежде всего они должны получить признание как символы клуба, как воплощение его особых качеств, как олицетворение самых выдающихся достоинств того, что принято гордо называть «Коринтианская нация»!

Да, да, именно так, особой нацией, со своим характером, со своими неповторимыми чертами, традициями, привычками считают себя «коринтианос». Один из величайших бразильских поэтов XX века Винисиус де Мораис убежден, что для «Fiel» физические данные игрока, красота его игры и совершенство его облика никогда не были чем-то первостепенным, существенным. Наоборот, подавляющее большинство идолов этой торсиды отличаются внешне-

стью, которую можно было бы назвать «лицом бразильского народа». То есть это парни не слишком приметные, среднего роста, в большинстве своем – негры или мулаты.

Продолжая эту мысль, можно прийти к выводу, что именно страдание является той чертой, которая роднит «алвинегрос» с бразильской нацией в целом. С народом, который привык к страданиям, к долготерпению, к мукам вечного ожидания перемен к лучшему в своей судьбе, перемен, которые, увы, почти никогда не приходят...

Именно это, видимо, имел в виду кардинал Сан-Паулу дон Пауло Эваристо Арне, когда в октябре 1977 года обратился со специальным трогательным «Посланием к коринтианскому народу», в котором говорится: *«Коринтианс» – это символ народа, который не достигает цели. Народа, который страдает от всех разочарований, как самых реальных, так и тех, которые привиделись в его мечтаниях. Народа униженного. Народа, который борется с трудностями и знает, что нужно уметь и быть способным начать все сначала. И действительно начинает!*

Я уверен, – пишет далее кардинал, – что победа «Коринтианса» должна привести нас к самым главным жизненным победам. И приведет! Мы всегда верим в приход новой эры, которая близится, которая наступит для народа, с участием народа и будет создана самим народом».

Вот к каким социально-философским обобщениям и размышлениям приводит нас рассказ о торсиде и торсидах!

Размышляя над этим парадоксальным посланием духовного пастыря, Жука Кфури развивает его мысли: победы «Коринтианса» не ограничиваются футбольными матчами, выигрываем какого-то чемпионата. И потому быть чемпионом – это славно, но отнюдь не может считаться чем-то абсолютно необходимым, жизненно неизбежным. «Коринтианские победы» обретают всегда какое-то новое (непонятное «некоринтианцу») качество: они вызывают жажду иных побед, куда более значимых, побед, которые ведут людей к свободе...

Отсюда, возможно, станут понятными и разговоры о том, что «Коринтианс» – это «состояние души». Это – выше, чем победа. Это – страсть, накал которой совершенно не зависит от того, является ли «коринтиано» и его команда чемпионом или нет.

Видимо, именно этим объясняется одна из неповторимых и нигде более не встречающихся особенностей торсиды «Коринтианса», на которую обратил внимание великий Сократес, один из кумиров этой торсиды: ее заметная политическая ангажированность. Именно в недрах этой торсиды и этого клуба зародился в начале восьмидесятых годов удивительный для бразильского футбола феномен, который получил прозвище «Коринтианская демократия» («Democracia corintiana»).

Родилась она с появлением в клубе между тренерами и игроками редкой в профессиональном футболе атмосферы взаимного доверия. Игрокам стали разрешать отправляться по домам перед матчами: тренеры знали, что никаких «излишеств» и нарушений режима допущено не будет.

Потом тренеры начали советоваться с игроками при определении тактических схем игры, игровых заданий на предстоящий поединок. Даже приглашение в этот клуб вратаря Леао решалось голосованием игроков!

И, видимо, потому в недрах именно этой торсиды стало зарождаться сначала глухое, а потом и заметное, активное сопротивление военному режиму и требование немедленного проведения прямых президентских выборов: «Diretas já!», которое вскоре с энтузиазмом было подхвачено всей страной. Это был, насколько мне помнится, первый и пока единственный случай прямого и открытого участия футбольного клуба и его торсиды в политической борьбе за демократизацию страны.

Любопытный факт: придя в этот клуб в разгаре своей футбольной карьеры, будучи уже знаменитым мастером, достигшим великих побед, Сократес (видимо, из духа противоречия)

с вызовом заявил, что никогда не считал себя его поклонником, никогда не был убежденным «коринтиано».

Поиграв в нем несколько лет, он сказал: «Если бы я получил возможность прожить свою жизнь еще раз, и при этом мне было бы предложено изменить в ней что-нибудь, я предпочел бы родиться здесь, в парке Сан-Жорже, в колыбели «Коринтианса». Потому что теперь я – «коринтиано» до самой смерти».

И объяснил, почему это так: «Играть в «Коринтиансе» – ни с чем не сравнимо. Я говорю со знанием дела, ибо играл также и за «Фламенго», торсида которого еще сильнее и точнее выражает национальный характер бразильцев, чем «коринтианос», хотя она в Рио не так мощна, как торсида «Коринтианса» – в Сан-Паулу.

Все время, пока я играл в «Коринтиансе», я должен был постоянно контролировать себя, свои эмоции, не позволять себе быть увлеченным, захваченным нервом торсиды. Если этого не сделать, то ты окажешься подавленным, утонувшим в этих эмоциях. Я, например, не стал таким прекрасным игроком, каким был Ривелино. Но в «Коринтиансе» я сыграл лучше, чем он. Ибо я заставлял торсиду думать. Она плакала, она улыбалась, она кричала, содрогалась, но прежде всего она думала! Мы заставляли ее думать, мы обменивались информацией. Потому что великая сила торсиды «Коринтианса» заключается в эмоциях, которые она вселяет в команду, это что-то такое, чего не имеет никто больше».

Элиза и Бенедито

Впрочем, «никто больше», никакая иная торсида не дошла и до еще одного парадокса, рожденного загадочной душой великой «коринтианской нации»: несколько десятилетий президентом «Фиэль» была женщина по имени Элиза. Женщина во главе торсиды! Вы можете себе это представить? Такое возможно только в Бразилии!

Когда-то в конце шестидесятых меня познакомили с ней. Миловидная полненькая брюнетка, без какой бы то ни было фанаберии или провинциального фанатизма. Но с глубокой убежденностью, читавшейся в глазах, в каждом слове и в каждом жесте: «Важнее и дороже нашего клуба нет и не может быть ничего на свете!»

– Элиза, – спросил я ее, – но объясни мне, пожалуйста, почему в этой стране, где мужики привыкли командовать и распоряжаться абсолютно всем, они терпят тебя как лидера торсиды?

– Это надо спросить у них, – смеясь, ответила она, кивнув головой на трибуну стадиона. И добавила с той же, чуть беззаботной и слегка самодовольной улыбкой: – Я доказала, что умею быть преданной клубу!

Да, она это доказала хотя бы в тот день, когда в одной из жарких и зубодробительных схваток с соперниками из другой торсиды (она не смогла, не захотела остаться в стороне от драки) ей сломали предплечье левой руки. Едва ей наложили гипс, Элиза тут же начала организовывать торсиду на очередной матч и через два дня появилась на трибунах во главе «Фиэль», которая встретила свою любимицу бурной овацией. Такой же, какой встречали в то время выходящего на поле лидера атак «Коринтианса» – стремительного и неудержимого Пауло Боржеса.

Говоря о «Фиэль», нельзя, конечно же, не вспомнить и еще одного ставшего легендарным «коринтиано» – Бенедито Педросо дос Сантоса. Этот человек, закончивший факультет журналистики, работавший в сан-паулуском корпункте издательства «Британская энциклопедия» и периодически выступавший с фортепианными концертами, несмотря на обилие интересов, всю свою жизнь старался не пропустить ни одного матча любимого клуба. По крайней мере из тех, что игрались в родных стенах, в Сан-Паулу. Сидя на архибанкаде под солнцем или дождем всегда в черных очках, плотно прижимая к уху транзистор, из которого лился репортаж, Диди, как прозвали Бенедито друзья, в унисон со всей многотысячной «Фиэль» ликовал и страдал, хвалил или ругал игроков и тренеров, кричал и даже обсуждал удачные и провалившиеся комбинации...

При этом Диди... был слеп от рождения!

И попробуйте же представить себе, уважаемый читатель, сколь велика была у этого человека любовь к футболу и сколь сильна преданность любимой команде! И желание быть в гуще единомышленников и друзей-«коринтианос». И сколь чарующим, сладостным, хотя и не всегда до конца понятным, было для него погружение в этот невидимый, но восхитительный мир футбола, «Коринтианса» и «Фиэль», который он воспринимал только через голоса радиокomentаторов и рассказы друзей!

Не то, что нынешнее племя

Одна из самых интересных особенностей бразильской торсиды – страсть к историческим экскурсам. Постоянная готовность заглянуть в прошлое и черпать там вдохновение и материал для анализа событий сегодняшнего дня. Такое, впрочем, свойственно не только бразильцам. Разве мало, к примеру, у нас любителей с наслаждением повспоминать о незабываемых крученых корнерах Валерия Лобановского, о головокружительных финтах Михаила Месхи, о пушечном ударе Александра Пономарева или рывках Всеволода Боброва? Разве кто-либо из наших фанов старшего поколения удержался бы от соблазна порассуждать, что было бы, если бы капризная судьба и суровые власти не тормознули бы Стрельца перед чемпионатом мира 1958 года, и он получил бы возможность помериться в Швеции силами с юным Пеле?

Однако, думаю, нигде в мире этой страсти не отдаются столь самозабвенно и вдохновенно, как в Бразилии.

Есть в этой стране особый тип фаната, привыкшего копаться в футбольных делах давно минувших дней. Его всегда можно встретить в баре или кафе, на уличном перекрестке или на пляже, на футбольной трибуне или в переполненном салоне автобуса, словом, в любой точке страны, где заходит речь о футболе. Где скрещиваются копыя в спорах о том, какие команды выйдут в финальный турнир нынешнего национального чемпионата или кого Флавио Коста, Феола, Теле Сантана, Паррейра, Загало или Сколари призовет на очередной матч сборной. И сколько бы ни спорили участники подобных дискуссий о сравнительных достоинствах «Фламенго» или «Флуминенсе», «Гремио» или «Интера», «Сан-Паулу» или «Коринтианса», сколько бы ни восторгались они пушечными ударами Ривалдо или неудержимыми рывками Роналдиньо, обязательно рано или поздно в разгар спора подаст голос седеющий скептик с изжеванной сигаретой в зубах: «Ривалдо? Он, конечно, ничего. Прилично играет. Смотреть можно. Но его удар?.. Нет это не тот удар, какой был у Деламара. Вот где был настоящий удар. Удар с большой буквы! Сегодня таких ударов уже не увидишь».

После этого скептик вздохнет, отхлебнет пива и в наступившей уважительной тишине начнет вспоминать о том, как легендарный Деламар отрабатывал в «Ботафого» свои знаменитые неберущиеся мячи. Как собирал мальчишек со всей округи, приводил их на стадион «Женерал Севериано», точнее сказать – на футбольное поле, ибо стадиона в нынешнем понимании этого слова тогда, при Деламаре, на улице Женерал Севериано еще не было. И после окончания тренировки, когда усталая команда уходила в душевую и на массаж, Деламар расставлял мальчишек за воротами и начинал бить.

Ах, как он бил! Нет, это надо было видеть, как он бил! Некоторые из посланных им мячей перелетали через ворота, через трибуну, через забор стадиона, через две идущие за забором ленты автострады Лауро Мюллер и оказывались в университетском саду напротив!

И тут все присутствовавшие непременно также вздохнут, потому что хорошо помнят расстояние от футбольного поля на улице Женерал Севериано до университетского сада. И потому, хлебнув по глотку пива и заказав еще по одной кайперинье, согласятся, что действительно сейчас таких ударов ни у кого нет...

«И никогда не будет!» – добавит какой-нибудь скептик. И вспомнит знаменитую историю с Деламаром, когда он в 1911 году врезал по физиономии Габриэлю де Карвальо из «Америки» за то, что тот начал охотиться за Флавио Рамосом и несколько раз ударил Флавио по ногам. И когда пытавшаяся бороться с насилием на полях футбольная лига отстранила за этот поступок Деламара от игр на весь сезон, то его клуб «Ботафого» в знак солидарности со своим форвардом вышел из розыгрыша и покинул лигу!

И тут все вскочат на ноги и закричат, что такое уважительное отношение к игроку, такая забота о нем были возможны только в те давние времена. Когда клуб еще был большой семьей,

где все были равны и равнозначны... И руководители клуба не были отравлены погоней за прибылями, не плели интриг, не строили козни, а уважали и почитали своих игроков.

И кто-то обязательно подхватит эстафету воспоминаний о других легендарных героях вчерашних дней, навсегда оставшихся в благодарной памяти торсиды. О рыцаре футбола Мими Содре, самом честном футболисте в истории Бразилии. «И всего мира!» – категорически добавит кто-нибудь.

И все сразу же согласятся: да, другого такого не было, нет и никогда не будет ни в одной стране мира! В наш век грубости, подлости, драк, подножек, ударов в спину Мими Содре умер бы от стыда. И наверняка бросил бы футбол в знак протеста!

И если вдруг найдется среди экзальтированных спорщиков какой-нибудь юнец, который ничего не знает о Мими Содре, ему тут же расскажут, что это был крошечный, юркий, до невероятия элегантный форвард из того, самого первого, состава «Ботафого», который завоевал чемпионское звание в 1907-м, а потом и в 1910 году. Мими! Ах, Мими! В самой острой голевой ситуации, когда мяч попадал ему в руку, или он видел, что кто-то из его товарищей сыграл рукой, он мгновенно останавливался, замирал и вскидывал вверх руку, превращаясь в подобие бронзового изваяния. Что-то вроде памятника самому себе.

«Рука! У меня была рука!» – означал этот жест: поднятая рука Мими с вытянутым к небу пальцем. Нет, не пальцем, а крохотным пальчиком, как у гнома из диснеевской «Белоснежки». И судья, заметив этот пальчик, даже если он не видел, что Мими или кто-то там еще сыграл рукой, сразу же свистел и назначал штрафной. Если бы в те годы существовал приз «фэйр-плей» за честную игру, Мими стал бы его первым лауреатом. Сомнения в том нет.

А затем, перебивая друг друга, участники этой футбольной посиделки вновь начинают вспоминать великие удары.

– «Мараньон», например, – крикнет заскочивший в бар пропустить рюмку перед очередной вахтой ночной сторож из соседнего банка. – Вот это был удар! Его изобрел доктор Рауль Баррето де Альбукерке Мараньон. – То есть тогда он еще не был доктором, он был студентом. Доктором он стал потом. А тогда он был просто Мараньон из «Бангу».

– Не только из «Бангу», – поправит тут же негр-чистильщик ботинок, приютившийся со своей нехитрой аппаратурой у игрового автомата с тускло мерцающими на экране фигурами футболистов. – Из-за этого его замечательного удара Мараньона переманивали к себе несколько клубов. Он играл и за «Риашуэло» и за «Мангейру». Сейчас этих команд уже нет, а память о Мараньоне осталась.

– А что же это был за удар такой? – поинтересуется кто-то из более юных собеседников.

– О, это был удар смертельный. В смысле силы. Мараньон играл в защите и в трудную минуту, разряжая обстановку у своих ворот, отправлял мяч свечой вверх. Мяч уходил в небо с такой страшной силой, что превращался в крохотную точку где-то под облаками. Казалось, исчезал в голубизне неба. И потрясенные трибуны замирали, ожидая, чем же это кончится. А потом мяч низвергался сверху вниз с такой же силой, с какой он взлетал к небесам. Это было как удар молнии, как раскат грома, как свист торнадо. И игроки, свои и чужие, разбегались в стороны, никто не мог его принять и усмирить, этот мяч, отправленный в небеса Мараньоном и вернувшийся на грешную нашу землю.

И аудитория вновь уважительно замолкала, переваривая информацию. Даже если кто-то и усматривал тут некоторую гиперболизацию и склонность рассказчика к поэтическим метафорам, все равно все молчали, воздавая дань уважения великим предкам. Тем более что сейчас никто и никогда уже не попытается повторить такой удар. Ведь сейчас, со всеми этими новомодными теориями насчет взаимодействия линий и необходимости для защитника либо самому выходить с мячом вперед, либо точно пасовать его партнерам, с такими теориями и концепциями удар «мараньон» обречен на вымирание. Послать мяч к облакам сегодня не

решится никто. Ни Роберто Карлос, ни Ромарио, ни Роналдиньо. На такое был не способен даже король Пеле.

– Ну а «чарльз»?! – подхватит тему старичок, давно уже дымящий толстой сигарой в самом углу бара близ занавески, прикрывающей вход в туалет. – А кто, скажите мне, сможет сейчас исполнить «чарльз» так, как его делал сам Чарльз Миллер? Мне об этом рассказывал отец!

И хотя, кроме отца ветхого старичка, никто из присутствующих не видел и не мог видеть живьем Чарльза Миллера, игравшего в самом начале прошлого века, все молчаливо соглашались, что сейчас с такой элегантностью никто «чарльз» исполнить не сможет.

А родился этот прием почти одновременно с рождением бразильского футбола. И родился случайно. Где-то в одном из первых матчей чемпионата Сан-Паулу 1902 года. Потому и не осталось уже свидетелей того любопытного эпизода: оказавшийся в страшной толчее игроков и уже совсем было потерявший контроль над мячом Чарльз Миллер вдруг споткнулся, чуть не упал, промахнулся мимо мяча, пытаясь ударить по нему. Но спустя секунду, когда удалось сохранить равновесие и нога пошла обратно, нечаянно и неловко ударил, точнее сказать, ткнул его пяткой назад. И по счастливой случайности мяч попал на ногу своего же рванувшегося к воротам соперника игрока.

Зрители, столпившиеся вокруг, рассмеялись: уж больно удачно это получилось. И Чарльз Миллер через пару минут уже сознательно повторил этот удар пяткой назад. И снова народ возликовал. Сюрприз для соперников и счастливый случай для своих. С тех пор удар этот и стал называться «чарльз». В отличие от «мараньона», им и сегодня пользуются довольно широко, но попробуйте утверждать, что кто-нибудь исполняет его лучше Чарльза Миллера!

– Ну а «баррозо»? – воскликнет протирающий стаканы буфетчик. И тут же бросит полотенце на стойку бара и зажмурится с наслаждением, словно созерцая этот восхитительный прием.

– Еще бы! – с готовностью откликнутся все присутствующие. Как же, как же! Удар «баррозо»! Знаменитый удар внешней стороной стопы, пугающий защитников и повергающий в панику вратарей. Впоследствии он превратился в «сухой лист», тот знаменитый удар, прославивший Диди. Тот самый «сухой лист», каким Диди забил первый гол в истории «Мараканы» в июне пятидесятого года в матче сборных Рио и Сан-Паулу. А потом, в пятьдесят седьмом, тот же Диди тем же ударом вывел Бразилию в финал чемпионата мира в отборочном матче с командой Перу.

И каскад подобных ностальгических восклицаний будет завершён обязательным напоминанием, что все-таки первый «сухой лист» был исполнен не Диди, а Рубенсом Салесом. И случилось это, когда Диди еще и на свете-то не было: в 1914 году в первом же матче сборной Бразилии со сборной Аргентины в Буэнос-Айресе на Кубок Рока. Это был единственный в том поединке «наш» гол. Который принес первую победу в долгом, продолжающемся до сих пор и никогда не утихающем споре двух великих футбольных держав.

– Ну, а «бисиклета»? – устало спросит зашедший пропустить рюмочку по дороге домой репортер светской хроники, собирающий в близлежащих к своему дому барах добрую половину информации для ежедневных колонок. – А «бисиклета»? Не станете же вы утверждать, что ее изобрел не Леонидас, а кто-то другой?

И замолчит, оглядывая всех с видом картежника, держащего в руках полный «стрит» и предвкушающего верную и неминуемую свою победу.

Тут все уважительно замолчат и закивают головами. Потому что двух мнений здесь быть не может: «бисиклету» («велосипед») – удар в падении на спину через себя – действительно изобрел Черный Диамант Леонидас, великий идол тридцатых годов, с которым никто не мог сравниться.

– По крайней мере, до появления Пеле, – скажет кто-то вполголоса, словно размышляя вслух.

– И Гарринчи, – добавит бармен со вздохом.

И все кивнут головами, отдавая дань уважения великим именам Гарринчи и Пеле, Леонидаса и Рубенса Салеса, Чарльза Миллера и Мими, Мараньона и Баррозо. Вспомнив с легкой и сладостной ностальгией великие удары, финты и приемы.

...Так это происходит в Бразилии. В Рио и Сан-Паулу, в тысячах других больших и малых городов и крошечных селений этой гигантской страны. Я был десятки раз либо невольным свидетелем, либо участником таких дискуссий и дружеских перепалок, в финале которых все мы всегда приходили к чуть грустному выводу: «Да, были люди в наше время...»

Ну а мы, россияне?... Разве мы не любим вспоминать наших героев вчерашних дней? Федотова или Стрельца, Бобра или великого Льва Ивановича?

А Антон Кандидов, он что, существовал только в изощренном воображении любимого писателя? А сотни иных кумиров, потрясавших воображение наших отцов и дедов и сегодня постепенно уходящих из памяти наших сыновей и внуков? Мы тоже слагали легенды и рассказывали то ли сказки, то ли были. Помню, как в сороковых годах в Запорожье, сидя за дырявой сеткой расшатанных ворот стадиона «Металлург», мы, мальчишки, слушали от более взрослых парней рассказы о великих басках и геройски противостоящих им спартаковцах. О ком-то, кто однажды ударом с лета сломал штангу ворот, а в следующем матче еще более страшным ударом убил вратаря. Об этом доложили товарищу Сталину, и великий вождь, строго покачав головой, запретил ему отныне и до века бить правой ногой.

И тогда появилась песенка, в которой были такие слова:

*С левой он всегда ломает штанги,
С правой – бить ему запрещено.*

«Ястребы» и «Мушкетеры» под грохот «батарей»

Стремительное разрастание торсид привело к тому, что они начали делиться и дробиться на всевозможные более или менее солидные по количеству болельщиков автономные формирования и группы, каждая из которых организационно оформлялась, выбирала своего президента, свои руководящие органы. У того же «Коринтианса», например, в рамках «Фиэль» появились теперь «Ястребы», «Футболка номер двенадцать», «Сердце Коринтианса», «Мушкетеры Фиэль», «Молодая Сила» и еще несколько подразделений со столь же экзотическими именами.

От многотысячной торсиды «Фламенго» отпочковалась в 1981 году «Красно-черная Фаланга» (ее президент, 27-летний учитель истории Марсело Паулиньо, взял это название из древнеримской истории), затем появились: «Фла-12», «Молодой Фла», «Красно-черная Раса» и зловещее слово «Урубубу». (Так зовут питающегося падалью стервятника.) Возникновение этой фракции в торсиде «красно-черных» связано с весьма любопытным эпизодом.

Однажды, когда «Фла» в очередной раз оказалась в долгом провальном периоде, не выигрывая ни одного серьезного турнира и проигрывая один матч за другим, кто-то из болельщиков принес на стадион живого стервятника, подстриг ему крылья так, чтобы птица уже не могла взлететь, и в разгар матча зашвырнул несчастное существо на поле. Подтекст этой обращенной к игрокам «Фла» акции был очевиден: «Вы настолько бездарны и беспомощны, что кажетесь дохляками! Самое время отправить вас на корм стервятникам!»

Под оглушительный свист торсиды перепуганный и нахохлившийся «урубубу» долго бегал по газону, увертываясь от ловивших его игроков. А затем сработала традиционная способность любой торсиды обращать неудачу в «викторию»: группа болельщиков назвала себя «Урубубу», подчеркнув тем самым свои, так сказать, природно-санитарные функции: уничтожать посредством пожирания как врагов любимой команды, так и тех в ее рядах, кто мешает успехам родного клуба.

Все эти фракции каждой торсиды организовано являются на матчи в футболках своего клуба, с флагами, плакатами, ракетами, оркестрами. Под грохот «батарей», «шаранг» и оркестров приходят задолго. Занимают каждая свое определенное место. Торсида «Фламенго», например, всегда оккупирует левую от ложи прессы половину гигантского кольца архибанкады «Мараканы», «Флуминенсе» – приходит всегда на правую. Среди болельщиков «Фламенго» крайние слева позиции занимает «Молодой Фла», затем – «Фаланга», после нее – «Фламенго-12» и так далее. Тщательно и любовно развешиваются на трибунах гигантские плакаты, флаги, лозунги. Причем с каждым годом, с каждым сезоном их размеры растут, и, помнится, в ноябре 2001 года на очередном «Фла» – «Флу» на «Маракане» я увидел, не веря собственным глазам, как торсида «трехцветных» растянула на поле перед матчем приветствующий свою команду плакат размером в половину футбольного поля! Перед выходом команд его скатали, унесли. А потом, по ходу игры, вдохновляя своих, несколько раз умудрялись каким-то образом разворачивать его и на «архибанкаде» – трибуне второго яруса, покрывая свой сектор, тысяч на двадцать человек, почти целиком! Что будет дальше – не знаю. Но могу предположить, что придет когда-нибудь момент, когда с неба с помощью вертолетов опустится и накроет всю «Маракану», вместе с полем, трибунами и зрителями плакат с надписью: «Вперед, дорогой «Менго!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.